

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научно-исследовательской работе
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»

« 17 » _____ 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Курский государственный университет» о диссертации Чжэн Луянь «Человек на войне в раннем творчестве Л.Н. Толстого (в свете идей китайской философии)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. Иваново, 2015.

Актуальность диссертации Чжэн Луянь обусловлена прежде всего тем, что многовекторность исследований современного литературоведения стала непреложным фактом. Целесообразность нынешнего обращения к русской эпической литературе определяется также и тем, что проза наша развивалась стремительно. Такое «ускоренное» развитие предполагало особую организацию художественного мира русской прозы, определило своего рода «разделение труда» между писателями.

Заявленная тема предполагает постановку и решение нескольких историко-литературных вопросов. Особенно важным, с этой точки зрения, представляется творчество раннего Л. Н. Толстого; это – время вхождение Толстого в литературу, когда начался процесс формирования Толстого-писателя, становления его мировоззрения и художественного метода. Творческие искания молодого Толстого и их достижения интересны и важны еще и потому, что здесь можно в полной мере увидеть и почувствовать подлинную самобытность его таланта. По мнению Б.И. Бурсова, явление «молодой Толстой» определяется темой и образом героя его произведений названной поры. Данную мысль известный ученый проецирует в основном на

произведения Толстого, связанные с проблематикой «молодости», которые представляют разные варианты исканий героя, переступившего порог юности. Военная же проза при таком подходе оказывается явлением периферийным. Однако важно учитывать то, как Толстой тщательно готовил первую свою книгу «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого». Она издана автором в 1856 году и включала в себя Кавказские и севастопольские рассказы («Набег», «Рубка леса», севастопольские рассказы).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в рецензируемой работе впервые показана (в процессе анализа творческих исканий молодого Толстого) сопряженность толстовского человека с бытием. Общим «фундаментом» можно назвать универсальное отношение человека к бытию, пантеистическое чувство «единства жизни» и естественное стремление к добру, прямую связь экзистенциального и морального, «философию морального усовершенствования» как практический вклад человека в «дело» бытия, что позже приведет к попытке создания универсальной религии. Художественная антропология Толстого раннего и зрелого периодов имеет общее основание – освоение восточной философии. Именно с уточнением, прояснением, разворачиванием этого основания связана концепция настоящего исследования.

Теоретико-методологическая база работы сформирована на основе фундаментальных работ классиков советского литературоведения и современных исследователей Толстого: Н.К. Гудзия, Б.М. Эйхенбаума, Б.И. Бурсова, Я.С. Билинкиса, М.Б. Храпченко, Е.Н. Купреяновой, Л.Д. Громовой-Опульской, Г.Я. Галаган, С.Г. Бочарова, Н.И. Бурнашевой, О.В. Сливицкой, Д. Орвин и др. – а также исследований философско-религиозных исканий писателя (Ю.Н. Давыдова, Е.И. Рачина, А.В. Гулина, Б.И. Мардова, А.Д. Сухова и др.). Особую роль играют работы межкультурного характера, устанавливающие глубокую связь толстовского жизнепонимания и творчества с миром восточной культуры (А.И. Шифмана, Т.П. Григорьевой, К. Рехо, В. Ланьзюя и др.).

Методологической основой диссертации стали методы и приемы системно-типологического исследования. Применяются также историко-генетический метод и принципы ретроспективного анализа, необходимые для обоснования проекции поздней философии Толстого на его раннее творчество и сопоставления результатов этой проекции с идеями древнекитайской философии.

Вполне уместным и оправданным представляется то, что в первой главе диссертационного исследования **Нравственно-философские принципы Л.Н. Толстого. Толстой как «модернизатор» мировой мудрости**, в первом разделе **«Философская вера»** и **«художественная антропология» Л.Н. Толстого»** используется ретроспективный анализ, так как единый интеллектуально-образный космос мировоззренческих, этических и эстетических координат формируется рано, однако отношение к бытию еще теоретически не систематизировано.

Философская теория всегда имела для Толстого подсобное значение обоснования духовной и жизненной практики, т.е. истинного образа жизни. Толстой обозначил вектор развития человека и писателя в пору переходной эпохи. Данное направление обусловлено антитезой: правила/практическая сторона жизни. На Кавказе «практическая сторона жизни» открылась Толстому во всем ее многообразии.

Общее основание дает принципиальную возможность рассматривать идейно-образный строй ранней толстовской прозы как конкретное выражение внутренне подвижного интеллектуально-образного космоса в свете единства и преемственности ведущих принципов толстовской философии и художественной антропологии. Это означает и правомерность установления «совпадений» ранней прозы Толстого с позднее усвоенными идеями древнекитайской философии.

Во втором разделе **«Философская вера» Л.Н. Толстого и учения мудрецов Древнего Китая»** характерен тот ряд, в который Толстой помещал философов Древнего Китая, – его можно назвать рядом «учителей

человечества», давшим свет истины и мудрости. Имеющиеся исследовательские аргументы причин близости Толстого и восточной философии – историко-культурный интерес и мировоззренческое сходство – сами по себе справедливы, но плохо соотносятся друг с другом, поскольку не совпадают хронологически, а значит, не могут использоваться в тандеме. Если налицо мировоззренческая близость до знакомства, то и сам интерес к Востоку и в частности к Китаю во многом продиктован внутренними духовными потребностями личности, не удовлетворяющейся общепринятыми ответами на «вечные вопросы» и современным нравственным состоянием общества.

Общее основание и цель и есть основной принцип использования Львом Толстым идей китайской философии. Чжэн Луянь последовательно доказывает, что Толстой стремится сохранять главное, не исказить сам дух чужой мысли – но в то же время, как модернизатор, использует ее выборочно и в произвольных сочетаниях, игнорируя различия ради того, что будет соответствовать его собственной философско-этической программе. Исследовательница делает убедительный вывод: созерцательный принцип Лао-цзы у Толстого модернизируется в принцип «антипрогрессистской» нравственности, причем недеяние – это не столько даже отказ от силы, сколько усилия по отказу от зла.

Во второй главе **Война и военный человек в художественном мире прозы молодого Толстого**, в первом разделе **«Концепт «война» и его значения в художественном мире ранней прозы Л.Н. Толстого и в древнекитайской философии»** указывается, что, литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, то есть частный вариант концептуализации мира. Выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире являются системой представлений, направленных адресату. В этой системе наряду с универсальными общечеловеческими знаниями существуют уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора.

Таким образом, концептуализация мира в художественном тексте, с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, а с другой – индивидуальные, даже уникальные, воображаемые идеи.

В русском языке концепт «война» занимает особенное место, нежели, чем в любом из европейских языков, что объясняется самим становлением и развитием российского государства: его история сложилась таким образом, что на судьбу едва ли не каждого поколения приходилась война, поэтому военная лексика составляет огромный пласт русского языка. Богатый военный опыт традиционно находил и продолжает находить своё отражение в национальной ментальности. Это дает основание сделать вывод о том, что концепт «война» можно отнести к числу культурно значимых для русского народа.

Уже в самый ранний период творчества Толстой исходит не столько из сословно-аристократических мировоззренческих представлений, сколько из общечеловеческих этических принципов, соединенных с непосредственным «чувством жизни» и патриархальной «народностью». Этот, отчасти еще интуитивно-целостный, «корневой», а не внешне-социальный подход к бытию и сближает его с древнекитайской философией, за два с лишним тысячелетия до этого также посвященной осмыслению самих основ жизни человека в мире.

Во втором разделе **«Военный человек в прозе молодого Толстого: судьба, тип, характер»** автором исследования объясняется, в чем состоит основной принцип толстовской характерологии. Толстовская характерология – явление сложное и многообразное. Характер, тип, судьба в толстовских текстах предстают как **ключевые слова, выражающие главную идею** целого художественного текста. Они создают внутреннее единство лексической системы произведений толстовской военной прозы, становясь существенным элементом их композиционного построения.

Принцип контраста (истинное/ложное, естественное/искусственное, природное/социальное и т.п.) является определяющим в художественном

мире Толстого, он же обуславливает и толстовское видение человека. Главный герой «Набега» капитан Хлопов сразу появляется как носитель самой простой и самой трудной истины, равно противостоящей и романтической браваре, и аристократическому тщеславию, и карьеризму, и малодушию. Итоговая «мораль» – «храбрый тот, который ведет себя как следует», – сразу ассоциируется у повествователя с философским определением храбрости у Платона, но соответствует и суждению из «Лунь юй».

Герои, подобные капитану Хлопову, внешне мало похожи на философов, но по сути своей близки к максимам «естественного» пути: они в совершенстве знают свое дело и свои способности при этом скромны, чужды всякой рисовки и позерства, действуют ровно в той мере, в какой это им диктуют обстоятельства, не говорят громких слов, склонны не к болезненной рефлексии, а к молчаливой самоуглубленности. Можно сказать, что они близки к жизни по закону дао, обращенному не на внешнее, а на внутреннее в человеке. И, конечно же, путь естественности, дао, прямо противопоставлен эгоистическому карьеризму.

Третья глава **Жизнь и смерть в ранней военной прозе Толстого** воспринимается как естественный, вытекающий из предыдущего содержания диссертации итог. В первом разделе **«Жизнь и смерть как константы нравственно-философского сознания Толстого»** Чжэн Луянь справедливо отмечает, что в интеллектуально-образном космосе писателя можно выявить некое начало, которое не просто стимулировало поиски и открытия, но завладевало его мыслями и духом, накладывало свою печать на каждое его творение. Это проблема жизни и смерти. Ее раскрытие связано у Толстого прежде всего с пониманием смысла жизни. Диссертант вновь убедительно находит соответствия и переключки между нравственно-эстетическими исканиями русского писателя и идеями китайских философов. И здесь прекрасной иллюстрацией является Конфуций, его учение о середине, которое в изложении Толстого мыслится как духовное постоянство,

обретенное добродетельным человеком на пути сдержанности и достижения внутреннего равновесия.

Предметом, на который неизменно была устремлена душа Толстого, была смерть не как метафизически случайный факт, но как ее завершение и ее отрицание, как загадка, являющаяся загадкой самой жизни. Исследовательница тщательно анализирует разные варианты проблемы взаимосвязи жизни и смерти в древнекитайской философии, особо останавливаясь на учениях, отвергающих мистицизм и переводящих жизнь и смерть в план «естественного» хода вещей. Это даосская традиция, и прежде всего Ян Чжу. Он сразу, как и Толстой впоследствии, отвергает эгоистическую суету, связанную с земной выгодой.

Во втором разделе **«Танатологические мотивы ранней военной прозы и путь к истинной жизни в повести «Казачья жизнь»** убедительным представляется тезис о том, что в военной прозе доминирует тема смерти. В рассказах «Набег», «Рубка леса», «Как умирают русские солдаты» гибель солдата – момент кульминационного напряжения в сюжете произведения. Однако Толстой не просто рисует смерть – он моделирует сущность жизни в присутствии смерти. В кавказских произведениях писатель еще только находится на пути к поиску путей изображения смерти «изнутри».

Особое место в ряду произведений молодого Толстого ЧжэнЛуянь отводит повести «Казачья жизнь». Для героя открывается тот самый путь всеобщей любви, который Толстой потом с восхищением откроет для себя в учении Мо-цзы.

В заключении убедительно прописаны итоги исследования. Л.Н. Толстой – писатель-философ, на протяжении всего творческого пути разрабатывавший один и тот же круг взаимосвязанных идей и проблем: поиски нравственной истины в «цивилизованном» мире, путей нравственного становления и самосовершенствования личности; проповедь любви и отрицание насилия как единственный истинный путь жизни во все времена; бытие как «естественный» дар и благо.

Мысль Толстого всегда устремлена через индивидуально-неповторимое и конкретно-образное ко всеобщему, к смыслу человеческой жизни и назначению человека. Не случайно и любая историческая религия оказывалась для него тесной и недостаточной, так как не учитывала весь опыт человечества, и только синтез религий казался Толстому истинным учением. Потому такими многообразными оказываются и параллели толстовской мысли и образности с идеями древнекитайской философии.

При анализе работы возникают и отдельные замечания.

1. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в работе не совсем точно определены понятия «ранний Толстой» и «молодой Толстой».

2. Проблема «Толстой и Восток» традиционно решается на материале творческих исканий писателя после перелома, поэтому важно было бы найти основания сближения военной прозы раннего Толстого и китайской философии.

Указанные недочеты не оказывают принципиального влияния на общую высокую оценку работы Чжэн Луянь. Рецензируемая диссертация является оригинальным самостоятельным и завершённым исследованием, отмеченным чертами несомненной новизны. Полученные результаты, в полной мере отражённые в автореферате и восьми публикациях автора (в том числе в рецензируемых журналах из списка ВАК (четыре статьи), являются достоверными, а выводы обоснованными и доказательными. Диссертационное исследование имеет теоретическое и практическое значение, поскольку его положения и выводы могут использоваться в образовательном процессе при изучении истории отечественной литературы и чтении спецкурсов по истории русской прозы.

Диссертация Чжэн Луянь «Человек на войне в раннем творчестве Л.Н. Толстого (в свете идей китайской философии)» отвечает критериям пп. 9-11 и 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842, а её автор заслуживает

присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01– Русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук, доцентом, профессором кафедры литературы Курского государственного университета Коковиной Натальей Захаровной.

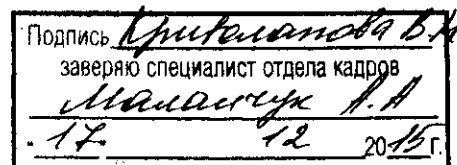
Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры литературы ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (протокол № 4 от 17 декабря 2015 г.).

Заведующий кафедрой литературы
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»
доктор филологических наук
профессор

В.Н. Криволапов.

«17» декабря 2015 г.

Коковина Наталья Захаровна:

Адрес: 305004 г. Курск, ул. Димитрова, д. 95, кв. 27

Тел.: +7 9202627287,

Эл.почта: natzak@rambler.ru